

Шекспир (Вильям Shakespeare или Shakespere, как он сам подписывался) - величайший драматург христианского периода жизни человечества. Биографические сведения о нем далеко не соответствуют той безграничной славе, которой окружено его имя. Вследствие этого мог возникнуть Ш.-Бэконовский вопрос (см. Шифр Бэкона), который не хочет примириться с тем, чтобы какой-то ничтожный актёр мог написать такие великие произведения. Редкая биография великого драматурга не начинается с цитирования известных слов одного из первых по времени серьезных шекспирологов: "Все, что известно с некоторой степенью достоверности относительно Ш. - это то, что он родился в Стратфорде-на-Авоне, там женился и прижил детей, отправился в Лондон, где был сначала актером, писал поэмы и драмы, вернулся в Стратфорд, сделал завещание, умер и был похоронен". Считается, что эти слова, сказанные более ста лет тому назад, сохраняют свою силу вплоть до наших дней. И действительно, фактов, непосредственно касающихся Ш., со времен Стивенса, почти не прибавилось. Тем не менее беспримерная тщательность, с которой Шекспиром занимались и продолжают заниматься целые сотни исследователей, не могла остаться бесплодной. Изучена до последних мелочей та обстановка, в которой сложилась жизнь и литературная деятельность Ш. То, что среда, исторические и литературные условия, эпохи могли дать Ш., известно теперь превосходно. Как ни плодотворен сам по себе исторический метод изучения писателей в связи с фактами их биографии, этот метод почти теряет свое значение в применении к таким необычным проявлениям творческого гения человечества, как Ш. Безграничная глубина проникновения в душу человека, составляющая основную черту Ш., по самому существу своему не может находиться в каком бы то ни было соотношении с теми реальными условиями мелкобуржуазного прозябания, в которых проходила личная жизнь этого изобразителя душевных движений царей, полководцев и всемирно-исторических героев. Если бы мы даже знали каждый шаг жизни Ш. в Стратфорде, где он прожил весь тот период, когда складывается душевный и духовный облик человека, то это нимало не приблизило бы нас к объяснению великой загадки рождения такого необычайного дарования в самых обыкновенных житейских условиях. Как сам Ш. создал вечные, общечеловеческие типы, как он сам переносил действие своих драм в различные эпохи и страны и этим ставил их вне времени и пространства, так и собственное его творчество не подчинено в своих коренных основаниях условиям времени и пространства. Кроме безусловно-второстепенных мелочей и отдельных выражений, в великих произведениях Ш. (в слабых вещах есть сильные следы эпохи) мы не можем доискаться даже того, где в них сказался англичанин. Значительно преувеличена, впрочем, и сама скудость фактов, непосредственно освещающих жизнь Ш.: их гораздо больше, чем утверждает Стивенс. Про других писателей той же эпохи, самых знаменитых даже, известно также очень мало, но только по отношению к ним не так напряжено любопытство. Нужно помнить, что, несмотря на небывалый расцвет театра и драматической литературы при Елизавете, в обществе относились с крайним пренебрежением не только к актерам, которые должны были пристраиваться в качестве "слуг" (servants) к какому-нибудь знатному лорду, но и вообще к драматической литературе. Уважали авторов поэм, ученых, знатоков древности, но драма считалась низшим родом искусства, и такой выдающийся ревнитель просвещения как Бодлэй, пожертвования которого положили основание знаменитой "Бодлеяне", поставил условием, чтобы на жертвуемые им деньги не приобретались драмы и "тому подобная дрянь". При таком отношении к деятелям театра вполне понятно, почему современники, усердно следившие за ходом событий в жизни всех многочисленных вельмож Елизаветинского двора, не уделяли ровно никакого внимания низменной, по их представлению, сфере театральных фигляров. Вслед за самым видным из новейших исследователей Ш., Галивэл-Филипсом (Halliwell-Phillips), другой известный шекспиролог (Доуден), в своем предисловии к Ирвинговскому изданию Ш., справедливо замечает, что еще меньше, чем о Ш., сохранилось точных сведений о знаменитейших современных ему драматургах - Марло и Флетчере. На этом основании Доуден приходит к формулировке, которой давно бы пора вытеснить слова Стивенса: "мы должны удивляться в отношении Ш. не тому, что мы так мало, а тому, что мы так много о нем знаем". Следует еще подчеркнуть, что мнимая скудость данных о Ш. обуславливается необычайно-строгим критическим отношением шекспирологии к биографическим сведениям о великом драматурге. Она, например, не считает достаточно достоверными те факты, которые сообщил первый обстоятельный биограф Ш. - Роу (Rowe; до него собирали сведения о Ш. стратфордский священник Джон Уорд и Джон Обри, в 1660-х гг. побывавший в Стратфорде и довольно легкомысленно придававший веру всяким слухам и сплетням). Лет восемьдесят после смерти Ш. Роу отправился в Стратфорд и там, на основании показаний старожилов, собрал множество рассказов о молодых годах великого стратфордца, которые и нашли себе место в изданном Роу в 1709 г. собрании сочинений Ш., вместе с другими собранными Роу преданиями о жизни Ш. Биография Роу долго являлась бесспорным и обильным источником, пока в конце XVIII в. во всех странах не начался тот величайший интерес к Ш., который Гёте характеризовал словами: "Shakespeare und kein Ende". Стали добиваться абсолютно точных, документально подтверждаемых данных и Роу был признан лишь собирателем более или менее достоверных анекдотов. Если с такой же строгостью отнестись ко всем иным жизнеописаниям деятелей прошлого, то